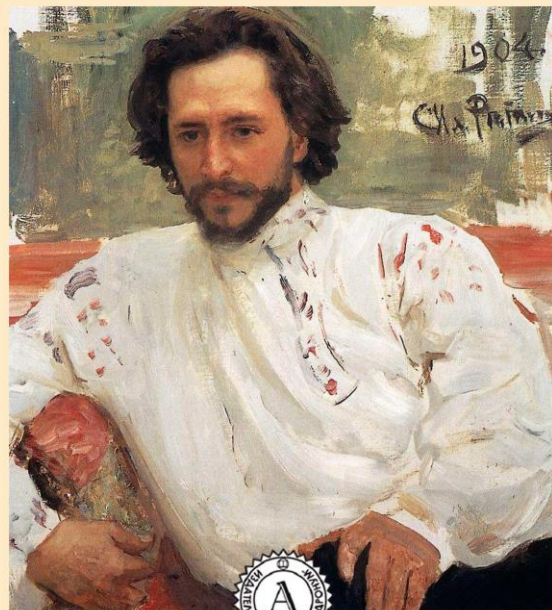

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ

ВАЛЯ

«Валя» — произведение представителя Серебряного века русской литературы, родоначальника русского экспрессионизма Л. Н. Андреева (1871–1919). ***

Рассказ написан в теплых тонах с большой симпатией к детям, пониманием их психологии. Это грустная история о том, как приемные родители всем сердцем привязались к мальчику Вале, а настоящая мать вдруг предъявляет на него свои права. И суд отдает ребенка ей... В основе этой драмы лежит любовь, а не трагедия отчужденности.

Перу Андреева принадлежат и такие произведения: « Прекрасна жизнь для воскресших», «Мельком», «Рассказ о Сергее Петровиче», «Праздник», «Первый гонорар».

Леонид Андреев

Валя

Валя сидел и читал. Книга была очень большая, только наполовину меньше самого Вали, с очень черными и крупными строками и картинками во всю страницу. Чтобы видеть верхнюю строку, Валя должен был протягивать свою голову чуть ли не через весь стол, подниматься на стуле на колени и пухлым коротеньким пальцем придерживать буквы, которые очень легко терялись среди других похожих букв, и найти их потом стоило большого труда. Благодаря этим побочным обстоятельствам, не предусмотренным издателями, чтение подвигалось с солидной медленностью, несмотря на захватывающий интерес книги. В ней рассказывалось, как один очень сильный мальчик, которого звали Бовою,¹ схватывал других мальчиков за ноги и за руки, и они от этого отрывались. Это было и страшно и смешно, и потому в пыхтении Вали, которым сопровождалось его путешествие по книге, слышалась нотка

¹ ...звали Бовою. — Имеется в виду повесть «О Бове Королевиче», известная на Руси еще в XVII в., вошедшая в русский фольклор и выдержавшая с конца XVIII в. множество лубочных изданий.

приятного страха и ожидания, что дальше будет еще интереснее. Но Вале неожиданно помешали читать: вошла мама с какою-то другою женщиной.

— Вот он! — сказала мама, глаза у которой краснели от слез, видимо недавних, так как в руках она мяла белый кружевной платок.

— Валечка, милый! — вскрикнула женщина и, обняв его голову, стала целовать лицо и глаза, крепко прижимая к ним свои худые, твердые губы. Она не так ласкала, как мама: у той поцелуи были мягкие, тающие, а эта точно присасывалась. Валя, хмурясь, молча принимал колючие ласки. Он был недоволен, что прервали его интересное чтение, и ему совсем не нравилась эта незнакомая женщина, высокая, с костлявыми пальцами, на которых не было ни одного кольца. И пахло от нее очень дурно: какою-то сыростью и гнилью, тогда как от мамы всегда шел свежий запах духов. Наконец женщина оставила Валу в покое и, пока он вытирал губы, осмотрела его тем быстрым взглядом, который словно фотографирует человека. Его коротенький нос, но уже с признаками будущей горбинки, густые, не детские брови над черными глазами и общий вид строгой серьезности² что-то

² *Его коротенький нос... строгой серьезности...*
— Создавая портрет мальчика Вали, Андреев воспользовался своей детской фотографией. (Воспроизведена в кн.:

напомнили ей, и она заплакала. И плакала она не так, как мама: лицо оставалось неподвижным, и только слезы быстро-быстро капали одна за другою — не успевала скатиться одна, как уже догоняла другая. Так же внезапно перестав плакать, как и начала, она спросила:

— Валечка, ты не знаешь меня?

— Нет.

— Я приходила к тебе. Два раза приходила. Помнишь?

Может быть, она и приходила, может быть, и два раза приходила, — но откуда Валя будет знать это? Да и не все ли равно, приходила эта незнакомая женщина или нет? Она только мешает читать со своими вопросами.

— Я твоя мама. Валя! — сказала женщина.

Валя с удивлением оглянулся на свою маму, но ее в комнате уже не было.

— Разве две мамы бывают? — спросил он. — Какие ты глупости говоришь!

Женщина засмеялась, но этот смех не понравился Вале: видно было, что женщина совсем не хочет смеяться и делает это так, нарочно, чтобы обмануть. Некоторое время оба молчали.

— Ты уже умеешь читать? Вот умница!

Валя молчал.

— А какую ты книгу читаешь?

— Про Бову-королевича, — сообщил Валя с серьезным достоинством и с очевидным чувством уважения к большой книге.

— Ах, это должно быть очень интересно! Расскажи мне, пожалуйста, — заискивающе улыбнулась женщина.

И снова что-то неестественное, фальшивое прозвучало в этом голосе, который старался быть мягким и круглым, как голос мамы, но оставался колючим и острым. Та же фальшь сквозила и в движениях женщины: она передвинулась на стуле и даже протянула вперед шею, точно приготовилась к долгому и внимательному слушанию: а когда Валя неохотно приступил к рассказу, она тотчас же ушла в себя и потемнела, как потайной фонарь, в котором внезапно задвинули крышку. Валя чувствовал обиду за себя и за Бову, но, желая быть вежливым, наскоро проговорил конец сказки и добавил:

— Все.

— Ну, прощай, мой голубчик, мой дорогой! — сказала странная женщина и снова стала прижимать губы к Валиному лицу. — Скоро я опять приду. Ты будешь рад?

— Да, приходите, пожалуйста, — вежливо попросил Валя и, чтобы она скорее ушла, прибавил: